

The background of the entire page is a photograph of a forest floor during a rainstorm. In the foreground, a dark, octagonal metal trap with a cross-shaped divider lies on a wet surface covered with fallen pine needles and moss. Several pine cones and green leaves with white raindrops are scattered around the trap. In the background, tall, dark tree trunks are visible, and rain is falling in visible streaks throughout the scene.

Иван Чернышов

Капкан из Аравии

Иван Чернышов

Капкан из Аравии

<https://litres.ru/74621777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мирон двадцать лет долбил камень и копил на белого арабского жеребца. Чистокровного. Без единого пятна. Он видел такого один раз в жизни — мальчишкой — и с тех пор знал: рано или поздно конь у него будет.

Он не заметил, как за эти годы дочь выросла в дырявых ботинках, жена перестала просить, а дом остыл. Он видел только коня.

А потом он его купил.

Иногда мечта — это не спасение. Иногда это капкан.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Иван Чернышов

Капкан из Аравии

Глава

Меня зовут Мирон. Мне тридцать восемь лет. Руки у меня в мозолях, спина не разгибается, лицо обветренное, как старая кожа. Живу я один.

Работаю на каменоломне. Долблю камень с утра до ночи. Прихожу домой — руки трясутся, в ушах звенит, перед глазами белые пятна. Платят нормально. На жизнь хватало бы. А по вечерам и выходным я ставлю капканы на волков и лис — это приработок. Шкуры продаю заезжим торговцам.

Жена моя, Дарья, ушла четыре года назад. Не к кому-то. Просто ушла. Пешком, на рассвете, с узлом вещей. Не оглянулась. Не написала. Исчезла. Дочку звали Маша. Ей было шесть.

В те годы всё было иначе. Я приходил с каменоломни уставший — спина не разгибалась, руки не слушались. Открывал дверь, и меня встречал запах похлёбки. Дарья стояла у печи. Маша бежала ко мне — маленькая, тёплая, обхватывала мою ногу и не отпускала. Я садился за стол. Мы ели вместе. Маша что-то рассказывала — про птицу, которую видела во дворе, про камень, который нашла у колодца.

Дарья смеялась. Я смотрел на них и думал: «Вот оно. Вот что важно».

Я любил их. Правда любил. Но была мечта.

Я увидел его двадцать лет назад. Мне было восемнадцать. Приезжий торговец остановился в нашей деревне на ночлег, и с ним был конь. Серый, в белых пятнах — как зимнее небо, в котором местами проглядывает снег. Я никогда такого не видел. Он стоял в тени старого вяза, и солнце падало на него сквозь листья — пятнами. Шкура у него была серая, но эти белые пятна... они светились. Как будто под серой шерстью пряталось что-то другое. Что-то чистое. Шея выгнута дугой. Морда тонкая, как у птицы. Глаза — два тёмных угля. А хвост — длинный, шелковый, — поднимался, когда он шёл, как знамя.

Я стоял и смотрел. Долго. Торговец заметил и сказал: — Хорош, а? Полукровка. Но кровь арабская. Чувешь?

Я кивнул. Я не мог отвести глаз.

— А бывают чище? — спросил я.

— Бывают, — сказал торговец. — Чистокровные. Из Аравии. Белые, как снег. Без единого пятна. Но таких ты не увидишь. Таких возят только для богатых.

Я не спал в ту ночь. Всё думал о нём. Не о том коне, что стоял под вязом. А о другом. О том, которого я никогда не видел. Чисто белом. Без единого пятна. Как снег. Как кость. Как что-то, что не должно стоять на этой грязной земле.

Утром торговец уехал. Я смотрел ему вслед, пока он не

скрылся за холмом. А потом пошёл работать. И с того дня я знал: у меня будет такой конь. Чисто белый. Без единого пятна. Рано или поздно. Я буду копить. Я буду работать. Я буду ждать, сколько понадобится. Двадцать лет.

За это время я женился на Дарье. У нас родилась Маша. Я работал на каменоломне, ставил капканы, продавал шкуры. И каждый грош уходил в сундук. Старый, окованный железом, с замком. Мне он достался от отца. Отец умер, когда мне было двадцать, и кроме этого сундука не оставил ничего. Пустой, тяжёлый, с потемневшим от времени деревом. Я не знал, что в нём хранить. А потом понял.

Я прятал сундук под половицей. Иногда доставал, открывал, пересчитывал, закрывал заново. Мне казалось, что если я не буду его проверять — он исчезнет. Или кто-то найдёт. Или что-то случится. Я видел его во сне. Каждую ночь. Белый жеребец, идущий по зелёному полю. Ни единого пятна. Ни единого изъяна. Я сидел на нём, и ветер бил в лицо, и я смеялся. Во сне я был счастлив. По-настоящему. Так, как никогда не был наяву. Просыпался — и шёл долбить камень.

Каждый грош уходил в сундук. Маша ходила в ботинках, которые жали. Зимой в доме было холодно. Дарья шила рубахи из мешковины. Я знал это. Видел. И всё равно копил. Однажды Дарья сказала:

— Ей нужны новые ботинки.

Я ответил:

— Потерпит.

Она посмотрела на меня. Долго. Потом отвернулась и больше не просила. Я любил их. Но конь был важнее. Я сам не понимал, как это возможно. Но это было так.

Я запрещал Маше ходить в лес. Строго запрещал. Говорил: там волки. Там ямы. Там бурелом — ногу сломаешь. Играй возле дома, возле колодца, возле крыльца. Но не в лес. Она кивала. Обещала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.